
ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Дело пяти рыцарей и Петиция о праве*

С. В. КОНДРАТЬЕВ**

У каждого времени свои отличительные моменты. В предреволюционной Англии к таковым относили вопросы о правовых гарантиях, неприкосновенности личности подданного, его собственности и о границах королевской прерогативы. Из-за них не раз вспыхивали яростные дебаты в судах и парламенте. Нам уже приходилось писать о том, что англичане имели четкие представления о своих «исконных» вольностях и правах в их спорах с короной.¹ Данная статья посвящена одному из самых известных конфликтов.

С начала третьего десятилетия XVII в. внешняя политика английской короны становится все более активной и, соответственно, все более дорогой. Англия участвует в европейских военных конфликтах. Однако большинство военных экспедиций короны 20-х годов, главным организатором которых был фаворит Карла I герцог Бекингэм, заканчивались полным провалом. После очередной внешнеполитической неудачи парламент 1626 г. стал добиваться импичмента ненавистного большинству англичан герцога, что побудило корону досрочно распустить парламент, не дождавшись необходимых субсидий. Сохраняя при себе Бекингэма, король сохранял очевидную пустоту сундуков казначейства. Тайный Совет предложил монарху собрать деньги старыми (хотя они и вызывали критику у англичан) способами: приступить к сбору беневоленсов («добровольных пожертвований»), займа на содержание войск, или принудительного займа,²

* Статья написана при поддержке РГНФ. Проект № 02-03-18346а.

** Доктор ист. наук, профессор, декан исторического факультета Тюменского государственного университета.

© С. В. Кондратьев, 2003

¹ Кондратьев С. В. Свобода подданных и королевская прерогатива в судебной практике и доктрине предреволюционной Англии // Правоведение. 1998. № 4. С. 104–116. — Данная проблема была характерна не только для периода правления первых Стюартов, но и для елизаветинской эпохи (см.: Дмитриева О. В. Пьянящее вино свободы (Дело о несостоявшейся государственной измене сэра Джона Смита) // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 1996. М., 1997. С. 225–246). Англичане действительно высоко ценили свободу. Например, в парламенте 1628 г. Б. Радьярд дал ей такое определение: «Свобода... — это драгоценность. Тот, кто не ценит свободу, достоин того, чтобы к нему относились соответственно» (*Commons Debates 1628* / Ed. by R. C. Johnson, M. J. Cole, M. F. Keeler, W. B. Bidwell. New Haven, 1977. Vol. III. P. 138).

² Здесь определенная двусмысленность: правительство собирало принудительный заем «forced loan» под предлогом набора и содержания армии, ибо «forces» — «вооруженные силы», но одновременно глагол «to force» означает «насиловать», «принуждать», и население так и воспринимало заем как насильственный, принудительный.

и «корабельных денег». Основная роль отводилась именно принудительному займу, ибо, по замыслу министров, заем должны были выплачивать все налогоплательщики, что сулило итоговую сумму, равную пяти парламентским субсидиям. Иначе говоря, Тайный Совет в отсутствие парламента фактически вводил прямой налог, который касался не отдельных лиц, а охватывал все состоятельное население королевства.

Страна продолжала находиться в состоянии войны с Испанией и Францией. Последнее обстоятельство заставляло английское правительство посылать войска, основу которых составляли ополченцы графств, на континент. В Англии еще с конца XVI в. появилось утверждение, что английские государи не имеют права посылать подданных («свободных людей») за границу.³ Поборы и необходимость воевать за пределами страны выливались в различные формы протеста.

Справедливости ради отметим, что в исключительных случаях общее право допускало взимание налогов без согласия представительного органа. Уже после роспуска парламента 1626 г. пришло сообщение о том, что союзник Англии в Тридцатилетней войне датский король Христиан потерпел поражение в сражении при Луттере. Корона и ее министры сочли, что последнее политическое событие на континенте может считаться исключительным случаем.⁴

В последних работах специально отмечается воздействие фактора войны на политическую мысль и политический дискурс предреволюционной Англии.⁵ Современные историки подчеркивают, что сторонники усиления королевской власти стремились включить в политическую и правовую лексику Англии некоторые континентальные понятия. Они, в частности, апеллировали к «необходимости» и к «государственному интересу».⁶

В сентябре 1626 г. Карл I отправил письмо епископам, призывая их обратиться с кафедр к прихожанам с просьбой «помочь и поддержать» личными средствами «защиту королевства».⁷ Духовенство откликнулось на призыв монарха. В церквях стали произносить проповеди на эту тему, а затем публиковать их тексты. Тексты проповедей двух священников — Роберта Сибторпа и личного капеллана короля Роджера Мэнверинга — были настолько вызывающими и настолько противоречили правовой традиции, что против их публикации возражали даже архиепископ Кентерберийский Джордж Эббот и епископ Лондона Уильям Лодд.⁸ Р. Мэнверинг произнес две проповеди, в которых исходил из того, что «все власти сотворены Богом», а королевская власть среди них «самая высшая, сильная и широкая»; короли выше всех, включая ангелов. «Верным подданным» надлежит, не раздумывая, повиноваться желаниям монарха, поскольку подданные своим разумом не могут проникнуть вглубь и оценить замысел короля. Даже если подданным желание короля кажется «решительно противоречащим

³ См. об этом: *Дмитриева О. В.* Пьянящее вино свободы... С. 229–233.

⁴ Подробнее о предыстории принудительного займа и о его поступлении в казну см.: *Cust R.* The Forced Loan and English Politics, 1626–1628. Oxford, 1987. P. 13–72.

⁵ *Cogswell Th.* Home Division: Aristocracy, the State and Political Conflict. Manchester, 1998; *Parker G.* The Military Revolution: Military Innovation and the Rise of the West, 1500–1800. Cambridge, 1988.

⁶ *Christianson P.* Notes and Documents. Two Proposals for raising Money by Extraordinary Means, с. 1627 // *English Historical Review*. 2002. Vol. CXVII. № 471. P. 357.

⁷ *Ibid.* P. 358–359.

⁸ *Cust R.* The Forced Loan and English Politics, 1626–1628. P. 62–65.

закону, установленному Богом», надлежит проявлять терпение. Сопротивление есть предательство и преступление. Если же «повеление короля не противоречит законам Бога, природы, наций и Писания (хотя и не соответствует во всех деталях законам национальным и территориальным), то подданный не может... ни сомневаться, ни отказываться повиноваться воле и желанию суверена. Ибо как отец страны он повелевает по своему желанию, опираясь на полученный совет и мнение».

Р. Мэнверинг считает парламент «самым священным и почитаемым» представительным органом среди аналогичных «ассамблей» королевства. Но он не вправе отказывать королю в «требуемой помощи и субсидиях». Его задача состоит в том, чтобы «равномернее и точнее» распределить выплаты среди населения. И король — в случае крайней и острой необходимости — такие субсидии может востребовать, распределяя свои запросы пропорционально платежеспособности людей. Иначе говоря, по Мэнверингу, в исключительном случае король может требовать от подданных денег и без решения парламента.⁹

В своих действиях правительство руководствовалось не столько принципами общего права, сколько политической целесообразностью, а также законом военного времени. В прибрежных графствах, например, на постой в дома жителей начали размещать солдат и матросов, которых Джон Огдлендер характеризовал как «убийц, насильников, грабителей, взломщиков».¹⁰ Для пресечения бесчинств Тайный Совет стал посылать в графства предписания, которыми наделял правительственных комиссаров и других должностных лиц полномочиями разбирать такие случаи, руководствуясь законами военного времени, т. е., не считаясь с процедурой общего права, подвергать солдат и матросов телесным наказаниям, отсекал части тел и даже казнить. Иначе говоря, с продолжением войны у населения страны появлялись все новые и новые поводы для возмущения. Не исключено также, что от деятельности комиссаров иногда страдали и мирные жители.¹¹

Аргументация тех, кто планировал этот заем, строилась вокруг понятия «крайняя, или острая, необходимость», что хорошо видно из двух документов, недавно опубликованных канадским исследователем Полом Кристиансоном: «Предложение по устройству Его Величества дел» и «Проект прокламации для повсеместного взимания, или налогообложения эля, пива и сидра», написанных государственным секретарем Джоном Коком. Оба документа начинались с признания крайне тяжелого внешнеполитического положения Англии после побед ее католических врагов на континенте. В первом рекомендовалось издать по этому поводу специальную декларацию, адресованную подданным, где бы король ввиду необходимости защищать королевство, подготовить флот и наземные силы, объявил о сборе займов, объемы которых соответствовали бы суммам, обещанным, но не выделенным последним парламентом.¹²

В проекте прокламации выражалась уверенность, что подданные поймут и поддержат решение короля; что налоги, собираемые «во время

⁹ *Manwaring R. Religion and Allegiance. 1627 // The Stuart Constitution, 1603–1688. Documents and Commentary / Ed. by J. P. Kenyon. Cambridge, 1966. P. 14–16.*

¹⁰ Цит. по: *Sharpe K. The Rule of Charles I. New Haven, 1992. P. 34.*

¹¹ Подробнее о политической ситуации, сложившейся после использования законов военного времени, см.: *Ibid. P. 33–36.*

¹² «A Proposition for the Settling of his Maiesties affairs», written in the hand of Sir John Coke / Published by P. Christianson // *Christianson P. Notes and Documents. Two Proposals for raising Money be Extraordinary Means, c. 1627. P. 369.*

такой необходимости, оправдываются божественными и человеческими законами».¹³

С самого начала инициаторы займа столкнулись с трудностями. Население реагировало по-разному: одни территории выплачивали заем безоговорочно, жители других решительно отказывались делиться доходами с короной. Попытка правительства заручиться поддержкой судей общего права не увенчалась успехом. Судьи общего права (Рэндолф Крю — главный судья королевства, Ричард Хаттон — главный судья Суда Общих тяжб и Джон Уолтер — главный барон Казначейства), к которым лорд — хранитель Большой печати — обратился от имени короля с просьбой подтвердить законность предложенного способа пополнения казны, не сочли это возможным. Они заявили, что не могут одобрить то, что представляется им незаконным. Данный вердикт стоил тогда Р. Крю судебской мантии.¹⁴

Как показано в исследовании Р. Каста, правительство принимало жесткие меры по отношению к «отказникам». Комиссарам предписывалось требовать у «отказников» под присягой излагать аргументы, объясняющие их поведение. Записанные ответы служили затем основанием для возбуждения уголовного преследования. В Англии такая практика ассоциировалась с папской инквизицией и вызвала возмущение, ибо, по общему праву, «никто не должен был быть принуждаем свидетельствовать против себя». Затем «отказников» вызывали в Лондон, а после приезда сразу же заключали в тюрьму. Производилось это с весьма примечательной формулировкой: «по особому распоряжению короля». К февралю 1627 г. столичные тюрьмы оказались переполненными, поэтому прежнюю тактику пришлось изменить. Теперь прибывающим в столицу «отказникам» предписывалось каждые три дня являться в Тайный Совет и отмечаться там. Вполне вероятно, что жизнь в Лондоне обходилась в сумму, большую, чем та, которую требовали в виде займа. Люди несли ощутимые материальные потери. Так продолжалось до конца апреля, когда стало выясняться, что неразумно держать столь большое количество активных в политическом отношении людей в одном месте, поскольку поведение власти подталкивало к объединению оппозиционеров, обладающих к тому же определенным социальным статусом в своих графствах. Поэтому одна часть членов Тайного Совета стала склоняться к тому, чтобы либо просто отпустить всех заключенных, либо подвергнуть их домашнему аресту в их графствах. Частично данная точка зрения получила реализацию в июне 1627 г., когда Тайный Совет под председательством лорда Манчестера, получившего прозвище «друг заключенных», выслал большое число «отказников» домой под надзор шерифов.

Представители жесткой линии в Тайном Совете, напротив, выступали за суровое наказание «отказников». Среди них были и те, кто требовали публичного суда. Наиболее последовательно отстаивал эту позицию генеральный атторней королевства сэр Роберт Хит. К июлю, видимо, организованность «отказников» достигла высокой степени. Двое из их лидеров, Уильям Коритон и Джордж Кэтсби, не пожелали покидать столицу, ссылаясь на то, что подобный шаг ослабит оппозицию. Тайному Совету пришлось заключить

¹³ *Draft Proclamation for a general levie, or contribution or taxation on ale, beer or cyder.* Written in the hand of Sir John Coke / Published by P. Christianson // Christianson P. Notes and Documents. Two Proposals for raising Money be Extraordinary Means, c. 1627. P. 372 – 373.

¹⁴ *The Diary of Sir Richard Hutton, 1614–1639* / Ed. by W. R. Prest. London, 1991. P. 63–66.

их в тюрьму Флит.¹⁵ По слухам, летом 1627 г. в лондонских тюрьмах продолжали томиться около 150 человек.¹⁶ Современный исследователь Л. Рив полагает, что 67 человек намеревались остаться в тюрьме в знак протеста, отказываясь выплачивать заем.¹⁷ Их поддерживали полтора десятка пэров, также отказавших королю в деньгах. А граф Линкольн даже публично призывал к неповиновению и был заключен в Тауэр.¹⁸

В ноябре 1627 г. пятеро заключенных — Томас Дарнел, Уолтер Эрл, Джон Хевенингхем, Джон Корбит и Эдмунд Гемпден — поступили иначе. Они обратились в Суд Королевской скамьи с просьбой освободить их под поручительство приказом «*habeas corpus*», поскольку заключены в тюрьму «произвольно», без предъявления обвинений. Заключенным были предоставлены адвокаты. Дж. Корбита защищал некий мистер Калтроп, Дж. Хевенингхема и Т. Дарнела — сержант Бремстон, У. Эрла — Уильям Ной, Эд. Гемпдена — Джон Селден. Все юристы в своих выступлениях ссылались не только на нормы права, но и на многочисленные малопонятные прецеденты, реконструировать которые нет никакой возможности.¹⁹

Таким образом, данное дело не только непосредственным образом затрагивало имущественные интересы подданных, но и касалось правовых гарантий от произвольного ареста.

В октябре 1627 г. Королевская скамья направила коменданту лондонской тюрьмы Флит, где содержались арестованные, соответствующие приказы «*habeas corpus*». Однако тот, должным образом проинструктированный Тайным Советом, отказался освобождать заключенных. В присланном ответе он обосновывал свое решение тем, что рыцари были заключены по указанию Тайного Совета, содержащему ссылку «на специальный приказ Его Величества». Только Т. Дарнела, который предстал перед судьями Суда Королевской скамьи 15 ноября и не был освобожден, такой ответ каким-то образом удовлетворил. Остальные продолжали, говоря словами представляющего интересы короны в этом деле генерального атторнея Роберта Хита, добиваться, чтобы король «и его люди могли иметь равное правосудие, и когда они желают того — что, как кажется, согласуется с нормами права, — они должны обладать этим».²¹

Остальные рыцари предстали перед судом 22 ноября. Первым выступал Бремстон. Он сосредоточил свою критику на отказе коменданта тюрьмы

¹⁵ Cust R. The Forced Loan and English Politics, 1626–1628. P. 58–61.

¹⁶ Berkowitz D. S. John Selden's Formative years. Politics and Society in Early Seventeenth-Century England. Washington, 1988. P. 127 (Д. Беркович полагает, что «отказникам» предлагали «купить» свободу либо через согласие выплатить сумму займа, либо через отправленную королю петицию с просьбой об освобождении. Последнее означало фактическое признание своей неправоты).

¹⁷ Reev L. J. Charles I and the Road to Personal Rule. Cambridge, 1989. P. 14.

¹⁸ Ibidem; Cust R. The Forced Loan and English Politics, 1626–1628. P. 60.

¹⁹ Ibid. P. 61; Christianson P. John Selden, the Five Knights' Case, and Discretionary Imprisonment in Early Stuart England // Criminal Justice History. 1985. № 6. P. 66; Kishlansky M. Tyranny Denied: Charles I, Attorney General Heath, and the Five Knight' case // Historical Journal. 1992. Vol. 41. N 1. P. 53–83.

²⁰ Complete Collection of State Trials and Proceedings for High Treason and other Crimes and Misdemeanors from Earliest Period to the year 1783 / Compiled by T. B. Howell. London, 1826. Vol. III. P. 3–5; Christianson P. John Selden, the Five Knights' Case, and Discretionary Imprisonment in Early Stuart England // Criminal Justice History. P. 66.

²¹ Complete Collection of State Trials... Vol. III. P. 3.

освободить из заключения его подзащитного Дж. Хевенигхема. Ответ коменданта тюрьмы, по его мнению, был сформулирован в слишком «общей и неопределенной» форме. Сама фраза «по специальному приказу короля» некорректна с правовой точки зрения. Он полагал, что в ответе коменданта тюрьмы должны быть четко указаны причина задержания и предъявляемое обвинение. Сама формулировка отказа давала адвокату основание утверждать, что его подзащитный был арестован по подозрению или предположению, что противоречит сразу трем статутам, принятым во времена правления Эдуарда III (статуты 1352, 1355 и 1369 гг.), смысл которых сводится к тому, «что никто впредь не будет подвергнут тюремному заключению по просьбе или предположению, сделанному перед королем или его советом, но только после предъявления обвинения или на основе закона». Юрист напомнил, что заключение без предъявления обвинения длится уже продолжительное время, что должно служить основанием для возвращения подданному свободы и восстановления законов. Здесь же юрист весьма причудливым образом выразил мысль о том, что без соблюдения закона не может быть прав подданных: «Законы называются величайшим наследием каждого подданного, наследием наследий, без этого наследия мы не имеем наследия».²²

У. Ной и Дж. Селден ссылались на знаменитую ст. 29 (в редакции Генриха III) Великой хартии вольностей, которая гласила: «Ни один свободный человек не будет арестован или заключен в тюрьму, или лишен владений, или объявлен стоящим вне закона, или изгнан, или каким-либо способом обездолен, и мы не пойдем на него и не пошлем на него иначе, как по законному приговору равных его и по закону страны».²³ У. Ной также вспомнил времена правления Эдуарда III. Он говорил, что еще в 1363 г. поднимался вопрос, может ли король заключать кого-либо в тюрьму своим «специальным» повелением по подозрению и не противоречит ли это Великой хартии. И через год появился статут, который запрещал арестовывать людей по подозрению, если на то нет правовых оснований. Дж. Селден, повторив аргумент Бремстона о том, что после издания приказа «*habeas corpus*» человек не должен удерживаться в тюрьме, если в ответе коменданта тюрьмы четко не обозначена причина заключения, переходит к ст. 29 Великой хартии. Дж. Селден заявляет, что, если понимать слова «не будет... заключен в тюрьму... иначе, как... по закону страны» подобно словам «по специальному приказу», то Хартия перестает что-либо значить. А поскольку это не так и «свобода для подданного является ценнейшим наследием, которым он обладает», юрист просит освободить его клиента под залог.²⁴

Калтроп приводил несколько аргументов против формулировки, послужившей основанием к отказу выпустить арестованных. Ссылаясь на собственные изыскания в судебных отчетах, он считал незаконными поступающие от короля повеления подвергнуть кого-либо тюремному заключению, если повеление дано в устной форме; если повеление передано через посыльного; если повеление было основано на «предположении», сделанном перед королем или его советом; если повеление подписано королем и скреплено его личной печатью. Только в двух случаях заключение, произведенное с такой формулой, может

²² Ibid. P. 5–8, 11.

²³ Подробнее об этом см.: *Thompson F. Magna Carta: Its Role in the Making of the English Constitution, 1300–1629. Minneapolis, 1948.*

²⁴ *Complete Collection of State Trials... Vol. III. P. 14–15, 17–19.*

считаться законным: если повеление короля скреплено большой королевской печатью, т. е. если вышло из его канцелярии, или печатью одного из судов (но случай с рыцарями не таков); если повеление включено в текст судебного приказа (writ). Юрист находит, что дело его подзащитного может, на первый взгляд, напоминать последнее. Однако ответ коменданта тюрьмы не содержал указания конкретной причины задержания. Исходя из всего вышеперечисленного, адвокат просил освобождения под залог своего подзащитного.²⁵

Генеральный атторней Р. Хит оказался не готов опровергать доводы оппонентов, поэтому Суд назначил перерыв в заседании,²⁶ после чего королевская сторона представила свои аргументы. Генеральный атторней исходил в своих доводах из того, что хотя свобода подданного действительно является его наследием, но в праве она вторична по сравнению с властью короля. По его словам, он никогда не слышал ранее, что король не должен подвергать подданного тюремному заключению по своему желанию. Р. Хит отверг любую критику формы отказа освободить заключенных. Для блага государства король может арестовать человека, не считаясь с правовой процедурой. Более того, король сам может создавать процедуры. Нужно проводить различия, подчеркивал генеральный атторней, между нормами права и «той абсолютной властью... которую суверен имеет». Обращаясь к судьям, Р. Хит говорил, что король повелевает ими. Они находятся под королем: «Король есть начало того потока правосудия, который Ваша Светлость (главный судья. — С. К.) направляет ко всем его подданным; все правосудие исходит от него, и все, что он делает, он делает не как частное лицо, но как глава государства, как юстициарий королевства». Земное правосудие принадлежит королю, а сам король находится под Богом. Юристам же, которые следуют нормам права, надлежит соблюдать его повеления и не задаваться вопросами, являются ли эти повеления законными.²⁷ Правота короля метафизична и не нуждается в доказательствах. Король не может быть неправым и несправедливым, потому что он король. «Если вы спросите меня, милорд, имеет ли границы его суверенитет, я скажу, что это не вопрос сегодняшней встречи, но общее право, которое долго процветает под управлением нашего короля и его предшественников в королевстве, всегда относилось с почтением к его суверенитету, из чего следует, что король не может совершать неправо...».²⁸

Не прошел генеральный атторней мимо ссылки на ст. 29 Великой хартии вольностей. Он остроумно указал, что нередко мировые судьи заключают людей в тюрьму до вынесения решения судов и предъявления обвинений. Так же поступают констебли в городах, и данная практика не вызывает возражений. Наконец, продемонстрировав знакомство с историческими изысканиями английских антиквариетов, Р. Хит заметил, что Великая хартия вообще не может считаться законом, поскольку ее подтверждение во времена правления Генриха III является не статутом, а сокращенным вариантом редакции Хартии короля Иоанна, которая приведена в хронике Матфея Парижского. Не следует, настаивал он, позволять управлять собой хронике.²⁹

²⁵ Ibid. P. 22–25.

²⁶ Ibid. P. 30–32.

²⁷ Ibid. P. 36–37.

²⁸ Ibid. P. 44.

²⁹ Ibid. P. 38.

Таким образом, в своем выступлении генеральный атторней настойчиво проводил мысль о том, что решение об аресте и освобождении данных заключенных лежит за пределами права. В отличие от оппонентов, он фактически отрицал то, что право в Англии регулирует все. Королевская власть, по Р. Хиту, находится за пределами правового регулирования. Поэтому суд, по его мнению, вообще не может решить это дело. А заключенным следует обращаться к королю с прошениями о помиловании.³⁰

От имени судей решение огласил главный судья Королевской скамьи Николас Гайд. Он согласился с многочисленными доводами и историческими прецедентами защиты о том, что арест заключенных без указания причины по специальному повелению короля не может служить основанием для их удержания в тюрьме. Вместе с тем судья констатировал, что судьи подчинены королю и не могут в данном деле руководствоваться нормами права. Н. Гайд фактически сказал о том, что это дело стало по сути политическим: «По справедливости мы должны были бы освободить вас, мы должны поступить так, но, несмотря на все основания, отчеты, прецеденты и приговоры, мы не можем освободить вас, и вы должны быть возвращены под стражу».³¹

Позднее Дж. Селден весьма отрицательно оценивал поведение судей при рассмотрении дела. Он считал, что они потворствовали насилию над свободой, ибо, несмотря на одобрение судьями аргументов защиты, было вынесено противоположное решение.³²

Парламент 1628 г., куда, кстати, были избраны некоторые адвокаты и 23 бывших заключенных,³³ следуя уже сложившейся традиции, счел нужным обсудить злоупотребления последних лет, а именно практику взимания принудительного займа, высылки подданных для службы за границей, произвольных арестов и использования законов военного времени. Как известно, основное время у парламентариев данного созыва ушло на обсуждение неблагоприятной обстановки в королевстве и причин недовольства подданных, которое в конце концов вылилось в принятие Петиции о праве. Еще только проходило формирование комитетов, а уже были точно определены главные цели деятельности нижней палаты — «сохранить служение Богу, вольности и привилегии нашей страны» (Роберт Филипс), «разъяснить Его Величеству, что подданные имеют право собственности, ближе и дороже которого у них не может быть ничего» (Роберт Гудвин).³⁴

Пока Комитет по разбору причин недовольства подданных принимал петиции с жалобами от частных лиц и корпораций, из уст многих коммюнеров в самой разной форме звучала мысль, что принудительный заем, учрежденный короной, противоречит праву и что произвольные аресты, произведенные по королевскому приказу, не могут считаться законными. Приведем в качестве примера наиболее типичные высказывания.

³⁰ Ibid. P. 50–51.

³¹ Ibid. P. 51–59; *The Diary of Sir Richard Hutton...* P. 72. — Известно, что Эд. Гемпдон, являвшийся дядей знаменитого Дж. Гемпдона, умер в заключении.

³² *Commons Debates 1628. Vol. II.* P. 113.

³³ Ibid. Vol. I. P. 52. — Здесь же можно найти и имена бывших заключенных. Среди них, кстати, оказались Дж. Гемпдон, будущий инициатор дела о «корабельных деньгах» и герой первых лет революции, и Т. Уэнтворт, будущий граф Страффорд, отданный под суд решением Долгого парламента и казненный.

³⁴ Ibid. Vol. II. P. 32, 55.

По мнению Френсиса Сеймора, «последний сбор денег противоречит акту парламента».³⁵ Джон Элиот заявлял: «Право дает каждому то, что у него есть. Должны охраняться права любого рода... Древнее право Англии, Великая хартия и другие статуты говорят: подданный не может быть обременен займами, поборами или беневоленсами. Но мы чувствуем их бремя. Разве это не противоречит праву? Где право? Где “мое и твое”? Все подпало под произвол верховной власти».³⁶

Эд. Кок напоминал остальным членам палаты: «Король не может принуждать кого-либо к займу... Займы против воли подданного есть деяния, противоречащие разуму и вольностям страны... Король не может приказывать заключить в тюрьму кого-либо... Посылать человека в тюрьму и не называть причину — значит идти против разума».³⁷

Настоящее обсуждение началось 27 марта 1628 г. на заседании Комитета по разбору причин недовольства и затем продолжалось более двух месяцев. Основные аргументы сторон прозвучали уже в первые дни. Участники дискуссии строили свои доводы на противопоставлении «рабства» («вилланства») и «свободы». Юрист общего права Ричард Крешелд в своей речи однозначно заявил, что законы Англии, вызывающие у него ассоциацию с геркулесовыми столпами, не делают исключения ни для короля, ни для подданного: «Действия власти, без объявления причины направленные на связывание и ограничение свободы подданных Его Величества, противоречат фундаментальным законам и вольностям нашего королевства... Я считаю, закон действительно так сильно заботится о свободе подданного, что человек может быть подвергнут аресту или тюремному заключению не иначе, как по общему праву... Король не обладает абсолютной властью ни над нашими землями, ни над движимостью». Править, не считаясь с этими принципами, полагает он, значит, править несправедливо. «Короли Англии имеют монархический... статус, но не сеньориальный; первый создает свободу, второй — рабство». Последнее существовало в Англии во времена правления Вильгельма Завоевателя.³⁸

Дж. Селден, выступая в парламенте, так же как и до этого в Королевской скамье, отказывался признавать законность тюремного заключения без указания причины, поскольку такое действие противоречит Великой хартии и, следовательно, праву страны. Кроме того, оно превращает свободных подданных в вилланов. «Вопрос состоит в том, имеет ли право подданный и свободный человек, заключенный в тюрьму без предъявления обвинения, быть отпущенным под залог или на свободу. Я твердо думаю, что это право принадлежит каждому подданному, который не является вилланом... Сказать: я могу заключить его в тюрьму — значит сказать: он — мой виллан. Главное и единственное отличие свободных людей состоит в том, что их нельзя делать узниками по желанию (короля. — С. К.). В прошлом только евреев и вилланов можно было заключать в тюрьму и ограничивать их свободу. Евреи жили подобно крепостным вилланам короля. Он мог послать к ним, чтобы занять денег. Если они отказывали, король сажал их в тюрьму». В настоящее время, подчеркивал юрист, есть «лекарство» от ареста без указания причины, это — приказ «habeas corpus».³⁹

³⁵ Ibid. P. 56–57.

³⁶ Ibid. P. 57, 67–68.

³⁷ Ibid. P. 64, 74, 101–102, 110.

³⁸ Ibid. P. 147–150, 153–154, 157–158, 160–161, 163–164.

³⁹ Ibid. P. 150–151, 158.

На следующий день оппонентам короны пытался возражать сэр Френсис Нотерсоул. По примеру других адептов власти он делал акцент на экстраординарности сложившейся в Англии политической ситуации. В таких политических условиях во имя блага и сохранения страны, по его мнению, король может руководствоваться не только общим, но и естественным правом, а парламентариям «надлежит позволить ему заключать людей без указания причины». Так, полагал он, следует поступать с устраивающими заговоры иезуитами и папистскими священниками, ибо «благо народа есть высший закон».⁴⁰

В этот же день юрист общего права Джон Уистлер отметил, что данное дело совсем не так просто, как представляется многим. Ибо хотя Великая хартия и связывает королевскую прерогативу, но Уильям Стэнфорд пишет, что никто не может быть выпущен на поруки, если он заключен по королевскому повелению.⁴¹

Аргументы Ф. Нотерсоула парировал Дж. Селден. Последний совсем иначе определял понятие «благо народа»: «Благо народа есть высший закон, а свобода есть высшее благо народа». Ссылаясь на библейскую историю ареста правителем Иудеи и апостола Павла, суда над ним царем Агриппой и последующей отправки апостола в Рим, Дж. Селден говорит, что даже в Римской империи заключенного посылали к судье с описанием преступления (Деян. XXV—XXVII). Кроме того, заключенный в империи не должен был содержаться под стражей без предъявления обвинения больше 30 дней. За нарушение этого правила тюремщик и судья подвергались штрафу.⁴²

Аналогичного мнения придерживался Джордж Браун, который говорил, что, по У. Стэнфорду, право устанавливает пределы королевской власти. И все, что касается «*salus populi*», определяется правом... ибо нет ничего, что нельзя было бы разрешить, прибегая к праву».⁴³

29 марта юрист Генри Шерфилд доказывал, что король не имеет прерогативы арестовывать кого-либо без указания причины. Делать это ему запрещает Великая хартия вольностей. Если король заключает человека в тюрьму без указания причины и того не освобождают, то статус человека становится ниже статуса виллана, ибо даже вилланы могли в аналогичном случае быть выпущены на волю соответствующим судебным приказом.⁴⁴ У. Хаквилл, признав, что у короля могут быть политические основания заключить человека в тюрьму без указания причины, посчитал необходимым отметить невозможность длительного пребывания узника в заключении по желанию короля. Он указал также на излишнюю жестокость подобного поведения власти: «Тюремное заключение есть гражданская смерть. Оно истощает тело и подрывает разум». Человек лишается воздуха и друзей.⁴⁵

3 апреля палата общин приняла резолюцию, «что каждый свободный человек имеет древнее и несомненное право на полное распоряжение своим

⁴⁰ Ibid. P. 172, 176, 179–180. — Уильям Стэнфорд — автор часто цитируемого юристами трактата о королевской прерогативе «*An Exposition of the Kinges Prerogative collected out of the great abridgement of Justice Fitzherbert and other olde writers of the lawes of England*», выпущенного в Лондоне в 1568 г. (см.: Кондратьев С. В. Королевская власть в трактовке юристов общего права предреволюционной Англии // Европа: Международный альманах. Вып. 2. Тюмень, 2002. С. 108).

⁴¹ *Commons Debates* 1628. Vol. II. P. 174–175, 178–179, 182–183.

⁴² Ibid. P. 173, 176, 180, 183.

⁴³ Ibid. P. 176, 180.

⁴⁴ Ibid. P. 189, 193–194, 198–199, 202–203, 208.

⁴⁵ Ibid. P. 190, 200, 203–204, 208.

движимым и недвижимым имуществом и что никакой налог, платеж, заем, дарение или иное не может быть введено или наложено королем или его министром без общего согласия, выраженного актом парламента».⁴⁶

На этом же заседании Дж. Селден подробно обосновал то, почему свободные люди не могут быть принуждаемы служить за границей. Он пишет, что подобным правом обладал Вильгельм Завоеватель, который раздал захваченные в Англии земли таким образом, чтобы иметь в распоряжении 60 тыс. рыцарей. Рыцарский надел должен был приносить не менее 20 шиллингов дохода ежегодно. Но в 1297 г., когда король Эдуард I собрался организовать экспедицию во Фландрию, парламент принял акт, который затем многократно подтверждал, что свободный человек должен покидать свое графство только для защиты королевства от врага и что его нельзя принуждать служить за границей.⁴⁷

7 апреля обе палаты проводили совместную конференцию. Интересы нижней палаты представляли четыре коммонера. Дадли Диггс изложил общие доводы: «Бесспорным и фундаментальным положением нашего древнего общего закона Англии является то, что подданный обладает полным правом собственности над своей движимостью и владениями, которое охраняется как святое. Наше “мое и твоё” является нянькой производства... и матерью отваги, без которых не может быть правосудия и его главной задачи — защиты “моего и твоего”. Недавно это бесспорное приращенное право свободных подданных подверглось очень тяжелому нападению и ущемлению, поскольку их (подданных. — С. К.) подвергли тюремному заключению, нарушив вольности нашей страны».⁴⁸

Эдвард Литтлетон обосновал это положение, опираясь на многочисленные статуты и Великую хартию вольностей. Дж. Селден сделал экскурс в историю судебной практики и, опираясь на многочисленные прецеденты, показал, что судьи никогда не отказывали подданным ни в полном освобождении, ни в освобождении под залог приказом «*habeas corpus*». Эд. Кок суммировал доводы всех остальных, изложив их в виде базовых принципов права. Выступающие сошлись на том, что люди не могут заключаться в тюрьму и лишаться имущества произвольно даже королем. Все это должно производиться в соответствии с нормами общего права.⁴⁹

14 апреля палата обратилась к королю с петицией, которая содержала положение о том, что размещение солдат на постой против воли владельцев домов противоречит праву. Король в ответ резонно заметил палате: «Вы желаете обезопасить ваши вольности. Это хорошо. Но, ради Бога, не тратьте на это слишком много времени, так как чужеземный враг покушается и на ваши вольности, и на мою прерогативу».⁵⁰

16–17 апреля на совместном заседании палат, в присутствии судей Суда Королевской скамьи развернулась полная драматизма дискуссия между Дж. Селденом, который, видимо, хотел взять реванш за проигранное дело пяти рыцарей, и генеральным атторнеем Р. Хитом. Генеральный атторней ссылался на решение судей 1593 г., которое гласило, «что лица,

⁴⁶ Ibid. P. 276, 289–290, 291.

⁴⁷ Ibid. P. 280–281.

⁴⁸ Ibid. P. 334.

⁴⁹ Ibid. P. 334–358, 451–453.

⁵⁰ Ibid. P. 451–453.

чья свобода ограничена королем и советом, не могут быть освобождены каким-либо судом». Там, где затрагиваются государственный интерес и государственная тайна, можно заключать человека в тюрьму без указания причины.⁵¹ Р. Хиту ассистировал сержант Френсис Эшли, который говорил, что общее право не приспособлено для разрешения государственных проблем. Само указание на государственный интерес должно служить достаточным обоснованием заключения в тюрьму. Истинные причины в таком деле не следует делать достоянием гласности. Передавая в руки тюремщика посла, не выполнившего свой долг, король не обязан указывать причину, ибо «каждое государство имеет государственную тайну».⁵²

Дж. Селден упрекал генерального атторнея в том, что тот неверно истолковывает судебный прецедент 1593 г. По его мнению, судьи тогда решили, что люди должны подвергаться тюремному заключению только с указанием причины. Он подчеркивал, что в решении было сказано, что узники не могут находиться в тюрьме, если не было судебного разбирательства, и что, попав в тюрьму без указания причины, узники получают свободу по проведении судебного разбирательства. Кроме того, решение гласило, что заключенные могут оставаться в тюрьме, если ответ на приказ «*habeas corpus*» удовлетворяет судей. Фраза с таким смыслом, полагает Дж. Селден, означала, что ответ должен содержать ясное изложение причины ареста.⁵³ Ничего подобного, как мы помним, в деле пяти рыцарей не было.

В ходе заседаний все активнее начинали обсуждать факт использования законов военного времени на территории страны. Большинство юристов и парламентариев не отрицали законов военного времени, подчеркивая, что они должны распространяться на солдат и матросов. 16 апреля юрист общего права Джон Бэнкс заявил, что вольности подданных и королевская прерогатива имеют свои правовые границы. Если оставаться в их пределах, любые ущемления будут исключены. «Мы обсуждали вопросы, касающиеся “моего и твоего” и свободы человека... Сейчас коснемся вопроса жизни и части тела (которую отсекают по законам военного времени. — С. К.). Я не буду покусаться на власть королей. Подданные имеют свои права, а короли свои прерогативы. Даже океан ограничен берегами. Вольности и прерогативы многие сотни лет сосуществуют вместе в нежном единстве...». Это единство разрушается полномочиями, которыми король, выдав патенты под большой королевской печатью, наделил должностных лиц в провинциях. Выступающий полагал, что деятельность таких должностных лиц противоречит общему праву, поскольку военные действия не ведутся на территории Англии. Следовательно, здесь должны продолжать действовать ординарные законы. «Для нас не настало время войны, если суды правосудия остаются открытыми в Вестминстере», — говорил Дж. Бэнкс. «Полномочия, предоставляемые патентами под большой печатью, не могут изменять право, но полномочия действовать в мирное время, опираясь на законы военного времени, изменяют право». Юрист настаивал, что все преступления, совершенные в течение последних лет, могут быть разобраны с помощью общего права.⁵⁴

В своих последующих выступлениях значительное число парламентариев говорили о том, что законы военного времени являются частью

⁵¹ Ibid. P. 524.

⁵² Ibid. P. 528.

⁵³ Ibid. P. 525–526.

⁵⁴ Ibid. P. 481, 484, 486, 489–490.

цивильного (римского), но не общего права, поэтому должны контролироваться последним. Они не соглашались с тем, что политическое положение Англии таково, что на территории острова пора вводить военные законы. Об этом сказал 18 апреля юрист общего права Питер Бол: «Английский язык никогда не знал... что такое гражданское право. Наши предки говорили: “Мы определенно не желаем изменять законы Англии”... Королевство Англии никогда не управлялось гражданским правом, но только общим. Там, где достаточно общего права, мы не должны управляться гражданским правом».⁵⁵

У. Ной считал, что законы военного времени можно использовать только во время войны и только против солдат, находящихся в армии.⁵⁶

Более последователен был Эд. Кок, который говорил, что общее право контролирует все прочие отрасли права, включая гражданское и военное. Поэтому, пока открыты суды в Вестминстере, считается, что страна находится в состоянии мира, управляется общим правом и все преступники должны осуждаться на основе общего права.⁵⁷

Его поддерживал Дж. Селден, который отмечал, что Тайный Совет наделил должностных лиц правом действовать на основе законов военного времени, но ничего подобного не знает общее право. Не отрицая самих законов, он обращал внимание на то, что правительство не соблюдает установленную процедуру, ибо военное право «известно общему праву, оно инкорпорировано с общим правом». Общее право знает органы, которые могут использовать законы военного времени. Но правительство пошло по пути учреждения абсолютно новых структур. Расширение полномочий должностных лиц может происходить только посредством издания парламентского акта, но не по решению Тайного Совета.⁵⁸

Юристы общего права Генри Рол, Чарлз Джонс, цивилист Томас Эдн, коммонеры Генри Матен, Франсис Нетерсоул, Ричард Спенсер поддержали корону, заявив, что в особых случаях король может вводить на территории страны законы военного времени, после чего из незаконных они становятся законными. Кроме того, такие законы всегда должны действовать на кораблях, вышедших в открытое море, в военных гарнизонах, вооруженных частях. Соответствующие должностные лица могут прибегать к ним для наведения порядка, не испрашивая дополнительных указаний. Именно так поступил в 1578 г. Френсис Дрейк, казнив во время кругосветного плавания некоего Томаса Доути, попытавшегося поднять мятеж. И действия адмирала после возвращения в Англию были признаны судом правомерными (Ч. Джонс).⁵⁹

⁵⁵ Ibid. P. 543, 553–554, 557, 559.

⁵⁶ Ibid. P. 544, 549, 554, 557, 559, 561.

⁵⁷ Ibid. P. 545–546, 549–550, 555, 558, 559–560.

⁵⁸ Ibid. P. 568; Vol. III. P. 25, 33. — Речь, по-видимому, шла о том, что общее право знало так называемую комиссию «Oyer and terminer», которая создавалась в Средние века под руководством маршала или королевского констебля во время войн и мятежей. Эта комиссия действовала по упрощенной процедуре военного времени и могла предавать виновных казни.

⁵⁹ Г. Матен, например, говорил, что нельзя противопоставлять общее право гражданскому, как нельзя противопоставлять дочь и мать. Он соглашался с тем, что все должно регулироваться правом, но вместе с тем подчеркивал, что есть нечто, что не повинуется праву, — это «необходимость». Необходимость заставляет пассажира тянуть канат на

Государственный секретарь Джон Кок, представлявший интересы короны в нижней палате, в своем выступлении 22 апреля фактически уравнил общее право с другими частями права Англии. Он говорил о том, что, управляя государством, король не может довольствоваться только общим правом: ему требуются и «право справедливости», и церковное право, и законы военного времени. Последние всецело отнесены им к королевской прерогативе и подчеркнута поставлены вне формальных правовых процедур. Государство и общее право у него не тождественны друг другу. Первое представляется ему гораздо более важным. Деятельность комиссий и проблема законов военного времени, подчеркивал он, касается не общего права, а «короля и королевства. В Англии не найдется человека, который не хотел бы жить под правом, и мы все держимся того, что общее право есть наше наследство, которое охраняет нас. Но мы живем в государстве. Военное право касается непосредственно королей. Оно — их по происхождению. Они — божьи капитаны и руководители своих народов. Имя королей священо, и прочность государства зависит от них. Всякое гражданское правление может быть добрым и счастливым. Что же касается военных и поведения войсковых соединений, то для них не существует формального права. Я должен сказать вам, что военное право является важнейшим правом королевства, и не все управление заключено в общем праве, но и в других законах. Король является верховным главой и правителем над всем, и все, что управляется по общему праву, не исключает других законов».⁶⁰

С 21 апреля резолюцию палаты общин начала обсуждать верхняя палата, затем состоялась еще одна совместная конференция палат. Лорды выступили на ней с пятью предложениями. По их мнению, королю следует подтвердить 1) законность и действенность Великой хартии вольностей и шести статуты, на которые ссылались коммонеры; 2) наличие у каждого свободного человека *фундаментального права* (здесь и далее курсив наш. — С. К.) собственности и *фундаментального права* на личную свободу; 3) наличие у подданных всех тех старинных вольностей, привилегий и прав, которыми обладали их предки; 4) намерение не пугать подданных в будущем и поступать со всем тем, что касается прав подданных, в соответствии с процедурами общего права и других законов королевства; 5) свой отказ от прежней практики ареста подданных, свобода которых, если дело затронет «*государственные интересы*», будет ограничиваться, а причины будут объявляться «*в должное время*». Принятие последнего пункта, полагали лорды, полностью согласуется с прерогативой и *суверенитетом* короля.⁶¹

Предложения лордов говорят сами за себя. Кроме последнего, двусмысленно сформулированного, они почти полностью согласуются с ранее принятой резолюцией нижней палаты. Юристов палаты общин не устроит упоминание лордами термины. Они вызовут весьма оживленную дискуссию, в ходе которой большинство выскажется против их использования.

корабле вместе с матросами во время шторма. Необходимость заставляет надевать на дикого, не подчиняющегося поводьям жеребца, более жесткую узду. «Законы военного времени не правовые, но когда необходимо, они делаются правовыми» (Ibid. P. 541, 547, 551, 556 (Рол), 548, 552 (Спенсер), 542, 548, 552, 558, 560 (Эдн), 552, 556 (Джонс), 542, 548, 552, 556, 558, 560, 566, 568, 572, 575 (Матен), 543, 553, 557 (Нотерсоул)).

⁶⁰ Ibid. Vol. III. P. 24, 27, 31, 37.

⁶¹ Ibid. P. 74–75, 81, 85, 90.

Традиционализм мышления, присущий людям начала XVII в., отвергал всякие новации. Мысль о необходимости противостоять опасным новациям стала рефреном многих выступлений.

Коммонеры приступили к выработке законопроекта, который должен был опираться на собственную резолюцию и предложения лордов. Выступающие призывали пользоваться только терминологией общего права. Эд. Кок, употребляя выражение «фундаментальное право», выступал против использования терминов «фундаментальная вольность» и «фундаментальная собственность», фразы «должное время». «Должное время, — восклицал он, обращаясь к коммонерам, — кто должен судить, когда наступает это “должное время”». До принятия Великой хартии король владел такой властью, но сейчас все по-другому... Если мы дадим согласие заключать в тюрьму в интересах государства и в должное время, мы изуродуем Великую хартию и другие статуты». ⁶² Дж. Селден говорил, что каждый сам для себя определяет «должное время». Если допустить здесь пренебрежение правовой процедурой, позволить судьям определять, что есть «должное время», то «мы вскоре начнем попадать в тюрьму по их желанию». ⁶³ Бенжамин Радьярд коснулся «государственного интереса», заявив, что он пожирает не только почти все наши законы, но и христианскую религию. ⁶⁴

Король попытался воспрепятствовать выработке закона. 28 апреля лорд — хранитель Большой королевской печати Томас Ковентри выступил в палате общин по поручению Карла I, который, по его словам, просил передать, что король «держится Великой хартии и шести статутов, защищающих свободу подданных», и обещает поступать так и впредь. ⁶⁵ 1 мая, во время дебатов в нижней палате, государственный секретарь Джон Кок от имени короля попросил коммонеров дать ответ, достаточно ли переданного через лорда — хранителя Большой королевской печати королевского обещания сохранять древние английские законы, чтобы наконец прекратить прения. Выступление Дж. Кока, как пишет клерк палаты, вызвало продолжительное молчание. ⁶⁶ Вступать в открытую конфронтацию с монархом никто не хотел, ибо это могло закончиться роспуском парламента.

В течение последующих пяти дней должностные лица короны настойчиво добивались прекращения дебатов. 5 мая Карл I удостоил спикера и некоторых лидеров палаты аудиенцией. Но палата не собиралась отступать и искала выход из щекотливого положения. Коммонеры уже не могли продолжать выработку законопроекта, но и не хотели удовлетвориться королевским обещанием, которое монарха мало к чему обязывало. Выход нашел Эд. Кок, предложивший палате выработать и принять совместно с лордами Петицию о праве. ⁶⁷

⁶² Ibid. P. 94, 105, 114. — У. Ной заявлял о том, что он «не понимает» слова «фундаментальное», по-видимому, оно означает «обычное» (Ibid. P. 97, 107).

⁶³ Ibid. P. 106.

⁶⁴ Ibid. P. 138.

⁶⁵ Ibid. P. 125.

⁶⁶ Ibid. P. 189, 195, 201, 203.

⁶⁷ Ibid. P. 271–272, 283, 286, 293, 296. — Американская исследовательница Элизабет Фостер показала, что принятие подобных петиций о праве стало обычной практикой в английских парламентах по крайней мере с конца XVI в. (см.: Foster E. R. Petitions and the Petition of the Right // The Journal of British Studies. 1974. Vol. XIV. N 1. P. 21–45).

У специалистов нет согласия о правовом статусе Петиции о праве. Е. Р. Фостер подчеркивает, что следует проводить различия между частной петицией о праве, посредством которой можно было начать судебный иск против самого короля, и парламентской петицией, смысл принятия которой заключался в получении согласия от монарха по декларируемым в петиции положениям. Выражение согласия означало, что королевское и парламентское понимание вольностей и прав тождественны друг другу. Исходя из этого, исследовательница полагает, что статус Петиции о праве был «декларативным». ⁶⁸ Эту точку зрения разделял Д. Беркович. ⁶⁹ Однако, по мнению Дж. Рива, обе палаты парламента и современники рассматривали Петицию о праве в качестве государственного закона, принятого в соответствии с правовой процедурой. ⁷⁰

Первая редакция Петиции была представлена в палату лордов 8 мая, ⁷¹ и касалась она, как скажет позднее У. Хаквелл, четырех пунктов: «свободы от принудительных займов, свободы от тюремных заключений, от постоев солдат и от законов военного времени». ⁷² В обеих палатах велись дебаты по поводу Петиции о праве, текст которой в итоге не претерпел скольконибудь существенных изменений. Король, желая положить конец начавшейся процедуре, обратился к лордам с посланием, где писал, повторяя в какой-то мере стиль Великой хартии вольностей: «Ни мы, ни наш Тайный Совет не станем когда-либо впредь ограничивать свободу, приказывать заключать в тюрьму или каким-либо иным способом ограничивать свободу кого-либо за отказ одалживать нам деньги или по другой причине, которая, по нашему мнению, не будет касаться государства, общего блага, нашей безопасности и безопасности нашего народа... Во всем, что касается ординарной уголовной юрисдикции, наши судьи будут освобождать и отпускать на поруки заключенных в соответствии с обычными нормами права нашей страны, Великой хартии и тех шести статуты, которые, знаете, остаются в полной силе». ⁷³

Король и Тайный Совет надеялись, что парламент удовлетворится обещанием монарха и откажется от принятия Петиции. Однако нижняя палата, следуя призыву Томаса Уэнтворта, отказалась поступить так. Письмо короля есть «письмо милости, а народ Англии предпочитает документ, который принят парламентским способом», — говорил будущий граф Страффорд. ⁷⁴

Позиция верхней палаты оказалась более умеренной. Лорды хотели внести несколько терминологических поправок и одно добавление. Эд. Кок, докладывая коммонерам о позиции верхней палаты, заметил, что лорды, стремясь «подсластить» отдельные положения Петиции, выхолащивают ее

⁶⁸ Ibid. P. 43. Idem. *Printing the Petition of Right* // *The Huntington Library Quarterly*. 1974. Vol. XXXVIII. N 1. P. 83.

⁶⁹ Berkowitz D. S. *Reason of State in England and the Petition of Right, 1603–1629* // *Staatsrason* / Ed. by R. Schnur. Berlin, 1975.

⁷⁰ Reeve J. L. *The Legal Status of the Petition of Right* // *Historical Journal*. 1986. Vol. 29. N 2. P. 257–277.

⁷¹ *Commons Debates* 1628. Vol. III. P. 333, 336, 338, 344, 346.

⁷² Ibid. P. 496, 502.

⁷³ Ibid. P. 372–373.

⁷⁴ Ibid. P. 406.

смысл.⁷⁵ Например, они предлагали включить в документ пункт о том, что король может требовать займы «под давлением обстоятельств» и, напротив, исключить упоминание о «незаконной присяге», которую комиссары короны в графствах заставляли приносить всех отказников; предлагалось также заменить выражение «by pretext whereof» (под предлогом) на более мягкое «by means whereof» (ради средств).⁷⁶

Добавление лордов состояло в следующей фразе, которую, ссылаясь на статут Эдуарда I от 1300 г.,⁷⁷ они предлагали включить в текст Петиции: «Мы представляем эту смиренную Петицию Вашему Величеству не только ради сохранения наших собственных вольностей... но и ради сохранения полноты той *суверенной власти* (курсив наш. — С. К.), которая дарована Вашему Величеству для защиты, безопасности и благоденствия Вашего народа».⁷⁸ Когда Эд. Кок впервые докладывал об этом предложении, фраза, видимо, воспринималась вполне безобидно. «Лорды ничего не предпринимает относительно Петиции, кроме добавления, дабы сделать ее более приятной и приемлемой для Его Величества».⁷⁹ Но уже тогда он обратил внимание палаты на то, что это добавление на самом деле является нововведением и изменением.⁸⁰

Вскоре начались дебаты вокруг «добавления» верхней палаты. Коммонеры решительно выступили против внесения слова «суверенитет» в текст Петиции, поскольку после издания в 1606 г. английского перевода известной работы Ж. Бодена «Шесть книг о Республике» в Англии были склонны отождествлять термин «суверенитет» с системой абсолютного правления, принятой во Франции.⁸¹ И основания к этому были, ибо сам Ж. Боден, в частности, писал: «Суверенитет — это абсолютная и непрерывная власть над государством... По своему выбору народ и знать могут просто и без всяких условий передать суверенную и непрерывную власть тому, кто будет распоряжаться их собственностью и ими, чтобы управлять государством так, как он найдет нужным и соответствующим принципу наследования».⁸²

Элфорд говорил, что, по Бодену, суверенной властью является такая власть, которая свободна от всяких условий. Поэтому в Петиции следует вести речь не только о королевской, но и о правовой власти. Он призывал коммонеров предоставить «королю то, что дает ему право, но не более».⁸³

⁷⁵ Ibid. P. 467–468, 470–471, 476–477, 482–487.

⁷⁶ Ibid.

⁷⁷ Речь идет о статуте с красноречивым названием «Статьи Высших Хартий» (Articuli Super Cartas). Статут содержал подтверждение Великой хартии вольностей и Лесной хартии, а также перечислял и устранял «обиды», которые своими поборами и преследованиями учинил Эдуард I. Дебаты 1628 г. были вызваны одним пассажем из ст. 20 Статута. «Несмотря на все те деяния или элементы их, которые ранее упоминались, король, его совет и все, кто присутствовал при составлении статута, хотят и желают, чтобы сохранились право и прерогатива короны» (см.: Berkowitz D. S. Reason of State in England and Petition of Right, 1603–1629. P. 183, 331. n. 58; Commons Debates 1628. Vol. I. P. 130).

⁷⁸ Commons Debates 1628. Vol. III. P. 452.

⁷⁹ Ibid. P. 448, 451, 454, 456, 457, 458.

⁸⁰ Ibid. P. 452.

⁸¹ См. об этом подробнее: Кондратьев С. В. Королевская власть в трактовке юристов общего права предреволюционной Англии. С. 100–103.

⁸² Commons Debates 1628. Vol. III. P. 494.

⁸³ Ibid. P. 494, 501–502.

Дж. Пим считал, что «суверенная власть» отличается от власти, основанной на праве. «Я знаю, как присоединить (слово. — С. К.) “суверенный” к его (короля. — С. К.) персоне, но не знаю, как присоединить к его власти».⁸⁴

Уильям Хаквилл полагал, что нельзя соглашаться с предложенным термином: «Я видел разные петиции, в которых подданные заявляют о своем праве... но я никогда не видел в них такого выражения».⁸⁵

Эд. Кок заявлял, что предложенный лордами термин «суверенная власть» «опрокидывает всю нашу Петицию. Он подкапывает все ее разделы. Он затрагивает займы, присягу, тюремное заключение, постой солдат. Все возвращает вспять. Взглянем на петиции прошлых лет. Они никогда не писались ради королевского суверенитета, как будто подданные обязаны заботиться о нем. Я знаю, что прерогатива — часть права, но, по моему мнению, “суверенная власть” — не парламентский термин. Он ослабляет Великую хартию и все прочие статуты, ибо они полны только без какого-либо упоминания о суверенной власти; и если мы сейчас добавим его, мы ослабим основы права, а затем падет и само здание... Приняв его, мы поставим суверенную власть выше всех законов. Власть по праву мы заменим на власть на силе. Шериф получит ее в графстве. Что будет здесь, известно только Господу. Он (термин. — С. К.) противен нашей Петиции, которая является Петицией о праве, опирающейся на акты парламента... Мы не должны ни принимать его, ни включать его; это невозможно. Давайте держаться наших привилегий в соответствии с правом».⁸⁶

Одновременно с дебатами в нижней палате, по-видимому, шли консультации с лордами. Палату общин на этих встречах представлял Эд. Кок, который докладывал, что председательствующий на заседаниях в верхней палате лорд — хранитель Большой королевской печати Т. Ковентри настаивает на включении термина «суверенная власть» в текст Петиции. «Суверенная власть, — сказал он (Т. Ковентри. — С. К.), — более простое выражение, чем “прерогатива”, поэтому они (лорды. — С. К.) отклоняют “прерогативу” и оставляют (суверенную. — С. К.) власть».⁸⁷ Известно, что и лорды обвиняли общины в грехе, аналогичном тому, в каком общины обвиняли их. Петиция, по мнению лордов, содержит слова, смысл которых превосходит Великую хартию и другие статуты.⁸⁸

Дадли Диггс, охарактеризовав «добавление» лордов как попытку «ослабить и нанести ущерб» Петиции, призвал заседающих в палате юристов общего права «проявить себя храбрыми честными людьми в столь важном деле».⁸⁹

У. Ной настаивал на исключении из Петиции всех «двусмысленных слов», никогда не использовавшихся в таких петициях.⁹⁰

Джон Глэнвилл вначале остановился на термине «to trust» (даровать, передавать), который лорды предлагали включить. По его мнению, Петиция

⁸⁴ Ibid. P. 494.

⁸⁵ Ibid.

⁸⁶ Ibid. P. 494–495, 503, 505, 506–507, 513.

⁸⁷ Ibid. P. 513, 516, 518, 520, 523.

⁸⁸ Ibid. P. 533, 538, 543, 545, 547, 551 (см. речь Генри Вэна).

⁸⁹ Ibid. P. 527, 536, 539.

⁹⁰ Ibid. P. 527, 539, 549.

полностью согласуется с общим правом и статутами парламента. Королю ничего не даровано или передано, что стоит выше общего права. Король обладает привилегией *non obstante* («несмотря на»), позволяющей ему иногда приостанавливать различные предписывающие кары и наказания. Но Петиция ведет речь о других статутах, которые «согласно общему праву обладают абсолютной силой». «Я никогда не слышал, — говорил Дж. Глэнвилл, — о каком-либо даре быть свободным от них или быть выше их». Ему не нравится в добавлении упоминание о безопасности и благе народа. Ему кажется, что с ним появляется возможность пренебрегать законом под предлогом необходимости. Эту фразу можно понимать так, что законы могут оказываться в стороне от обеспечения безопасности и блага народа. «Я думаю, что безопасность и благо народа состоят в сохранении и исполнении законов. Нет безопасности в том, чтобы ради безопасности королевства признавать власть, которая встала над правом».⁹¹

Роберт Мейсон остановился вначале на слове «entire» (полный). На его взгляд, полной властью обладает только завоеватель. «Завоеватель не связан законами, но имеет власть давать законы. Его воля есть закон». Такая власть приобретается силой меча, и в Англии ею обладал Вильгельм Завоеватель. «Но Великая хартия и другие статуты, упомянутые в нашей Петиции, действительно существенно ограничили эту суверенную власть». Если же в Петиции после перечисления статутов, полагал он, оставить термин «the sovereign power entire», то тем самым статуты лишатся своей «силы» и будет восстановлена «суверенная власть завоевателя».⁹²

Далее он касался также термина «to trust» (даровать, передавать). Он согласен с тем, что данный термин малопонятен и может означать как власть, дарованную непосредственно Богом завоевателю, так и власть, переданную народом избранному королю, который управляет по закону. Он отказывался рассуждать на эту опасную тему, подчеркивая, что неясность термина оставляет королю возможность собирать — разумеется, под предлогом защиты, безопасности и блага народа — пожертвования, займы и другие поборы без согласия подданных, выраженного в акте парламента. По его мнению, лучше оставить в тексте простые и ясные формулировки,⁹³ ибо если сохранятся добавления лордов, то при следующем займе уже никто не сможет рассуждать о его законности.⁹⁴

Петиция о праве не тот документ, в котором следует говорить о суверенной власти. «Нашей Петицией мы желаем вернуть себе особые вольности, и, следовательно, нам неуместно упоминать в ней в самом общем виде «суверенную власть»». Р. Мейсон советует лордам различать слова, в частности, «просто власть», под которой можно понимать власть, ограниченную законами, и «суверенную власть, которая означает власть высшую и неограниченную».⁹⁵

Один из четырех Браунов, заседавших в палате общин, сказал, что, сочиняя Петицию, они помышляли о правах и вольностях подданных, что ее форма не предполагает упоминания об объемах королевской власти,

⁹¹ Ibid. P. 527, 536, 539–540, 549.

⁹² Ibid. P. 528.

⁹³ Ibid. P. 529.

⁹⁴ Ibid. P. 536, 540, 544, 549–550.

⁹⁵ Ibid. P. 530.

поэтому предлагаемый лордами абзац нужно отвергнуть. Термин «суверенная власть» напоминает ему логическое понятие с не вполне ясным смыслом. «Суверенная власть переступает границы законов, она вне всяких законов. Законы есть наши понятия. Мы можем принять абсолютную власть... если она легально связана законами, но если она будет такой, какой она представлена в этом добавлении, с которым мы не знаем, что делать, и если ее можно будет толковать широко, то мы не можем принять ее. Мы все сознаем, что король есть наш суверен и что его власть — на благо нам, без нее мы не сможем жить доброй жизнью. Мы все зависим от нее, но как было сказано здесь, для блага народа для нее установлены границы. Это показано хорошим образом. Но разве последний заем был благом для государства?⁹⁶ Кто будет судить, так это или нет?».⁹⁷

Самым решительным образом восстал против предложенного добавления У. Хаквилл, сказавший, что оно ослабит «наши свободы», и сравнивший его принятие с самоубийством.⁹⁸

Пространный монолог произнес Генри Матен, по мнению которого критиковать логику лордов можно посредством либо рациональных, либо правовых аргументов. Последнее он оставляет юристам. «Добавление» лордов он сравнивал с исключением, а «исключение — это то, что стоит вне правила», и то, что разрушает правило. Поэтому такое исключение не может быть принято, если члены палаты «хотят, чтобы народ не принуждали давать взаймы». Попытка соединить в одном тексте защиту прав подданных, максимум, что «король может требовать деньги не иначе, как через парламент», и суверенную власть напоминает ему художника, описанного Горацием, который голову человека соединил с шеей лошади. Лорды же, подчеркивает он, идут дальше: они соединяют человеческую голову с шеей льва, тем самым «все разрушая». Главная опасность таится в том, что суверенная власть как трансцендентная и высшая не знает правового регулирования. Она может быть и полезной, и разрушительной для народа. Ее включение в текст Петиции, подозревает Г. Матен, «закроет» рты. Может возникнуть положение, где все будет решать не право, а сила, напоминающее ему басню Эзопа о льве, лисе и осле, которые решили охотиться вместе. В изложении парламентария басня выглядит так: убитую добычу осел поделил на три части и «сказал льву: “Выбирай. Это твоя прерогатива”. Лев пришел в ярость и со словами “Это моя прерогатива!” разорвал и съел осла. Затем лев предложил делить добычу лису. Лис взял себя маленький кусочек шкуры, а все остальное отдал льву, на что лев, вновь воскликнув: “Это моя прерогатива!”, спросил, кто научил его так поступать? Лис ответил: “Несчастный осел”».⁹⁹

Натаниел Рич полностью согласился с выступавшими. «В настоящее время, — сказал он, — у нас больше всего причин требовать всемерного укрепления наших свобод, поскольку насилия, которым они подверглись недавно, превзошли совершаемые когда-либо. Сейчас у нас только одно желание, чтобы подобное не повторилось еще раз, но если мы добавим

⁹⁶ Здесь игра слов: фразу можно перевести и таким образом: «Разве последний заем был благом для общего блага?» («Was not the late loans for the good of the commonwealth?»).

⁹⁷ Ibid. P. 531–532, 536–537, 541, 545, 546.

⁹⁸ Ibid. P. 532, 537, 541–542, 545, 547–548, 551.

⁹⁹ Ibid. P. 532, 537, 542, 545, 546, 548, 551.

этот пункт, он разрушит все. Человеческие сердца сейчас наполнены страхом, они ожидают от нас повсеместного подтверждения своих вольностей». Ссылаясь на прецедент времен правления Эдуарда I, он сказал, что короли всегда карали своих помощников и за меньшие ущемления Великой хартии и свобод подданных. Палата общин умеренна в своих требованиях, хотя вправе требовать того же.¹⁰⁰

Часть коммонеров опасалась, что принципиальная и строптивая позиция палаты может привести к роспуску парламента. Поэтому они были осторожны в высказываниях. Например, канцлер суда Ланкастерского герцогства Хамфри Мэй сетовал на продолжительность обсуждений, говоря, что в спорах утрачивается истина, дебаты нагоняют сон, а приготовляемое «лекарство может оказаться хуже самой болезни». Он счел нужным призвать собравшихся обратиться к лордам, чтобы выработать общий текст.¹⁰¹

Уильям Кортон подчеркивал, что палата не покушается на королевскую власть («Бог знает нашу цель»), что лично он «желает, чтобы власть короля была такой же большой, какую имел самый великий король». Но коммонеры имеют «доброе основание» отвергнуть «добавление», ибо «подданные страдали от того, что происходило». «Если власть и закон входят в противоречие друг с другом, как можем мы повиноваться Его Величеству?» — вопрошал он. Он возлагал вину за происходившее на тех лордов, которые одновременно входили в число членов Тайного Совета: «Лорды, некоторые из них, являются авторами этих займов». Он подозревал их в замысле добиться у короля решения о роспуске парламента. Общины не хотят большего, чем заявить королю о законе и добиться справедливости и свободы.¹⁰²

Выступающий следом попросил впредь «не говорить язвительно о Совете. Никто не делает больше для государства, чем его члены. Язвительность может породить то, о чем я боюсь даже думать».¹⁰³

Эдвард Литтлетон, отвечая на обвинение лордов в том, что петиционеры сами не всегда придерживались лексики Великой хартии и статутков, сказал, что констатирующая часть Петиции полностью «воспроизводит слова статутков». Можно придаться к той части, которая касается фактов «насилия» над вольностями. Но, по его мнению, легко доказать, что они полностью соответствуют смыслу права. В Петиции, например, речь идет о «прерогативе», тогда как в добавлении — о «суверенной власти».¹⁰⁴

Пространную аргументацию против доводов лордов, с экскурсами в историю, дал Дж. Селден. По его мнению, «добавление» лордов можно понимать и так, что права подданных не могут ущемляться займами, беспричинными заключениями в тюрьму, законами военного времени, пока ситуация не затрагивает суверенной власти. Он решительно заявлял, что «никто не сможет ему показать петицию о праве, содержащую такое добавление». По Великой хартии короля Иоанна, наминал юрист, король вправе был требовать три традиционных вида денежной помощи: когда выдавал замуж дочь, посвящал в рыцари сына и нуждался в выкупе из плена.

¹⁰⁰ Ibid. P. 532–533, 537, 542–543, 545, 546–547, 548.

¹⁰¹ Ibid. P. 533, 537, 542, 548.

¹⁰² Ibid. P. 533.

¹⁰³ Ibid. P. 533, 538, 543. — Издатели подчеркивают, что настоящее высказывание, по разным источникам, принадлежит либо Дж. Глэнвиллу, либо Х. Мэю.

¹⁰⁴ Ibid. P. 533, 538, 543, 545, 547, 548, 551.

Касаясь текста Статута 1300 г., он утверждал, что, действительно, общины тогда представили Билль (или Петицию), который содержал статьи, характеризующие принадлежащие им вольности. Суммированные, они к концу деятельности парламента стали законом. Но то место, на которое ссылаются лорды, Дж. Селден считает более поздним добавлением, вставленным в текст Статута уже после роспуска парламента. Доказательством ему служит отсутствие парламентского свитка за 1300 г. А запечатлевшие то событие хроники содержат красноречивый пассаж: «Король утвердил статьи, которые они ему представили, но так, чтобы в конце добавить, “спасая право королевской короны”», т. е. Эдуард I просто оставил лакуну в тексте, которую потом заполнил. Бароны обратили тогда внимание на этот подлог и в следующем парламенте потребовали аннулировать добавление, что и было сделано.¹⁰⁵

Т. Уэнтворт призвал палату прекратить прения, не тратить время, поскольку вопрос ясен. «Я думаю, — говорил он, — мы все сходимся на том, что не можем принять это добавление. Если мы это сделаем, мы оставим дело в худшем состоянии, чем нашли его. А когда мы вернемся домой, нам будут мало благодарны за нашу деятельность». Следует, предложил Т. Уэнтворт, поручить подкомитету суммировать в документе все высказанные доводы и представить его лордам.¹⁰⁶ Это предложение краткими репликами поддержали Дж. Элиот, Р. Филипс и Эд Кок,¹⁰⁷ против высказался У. Лонг.¹⁰⁸

На следующий день систематизированные «рациональные и правовые» аргументы общин изложил лордам на совместной конференции Дж. Глэнвилл. Они воспроизводили все вышеперечисленное и сводились к невозможности принять добавление лордов, не подвергая опасности Великую хартию, статуты и право королевства.¹⁰⁹

Несколько дней прошло в интенсивных консультациях, в ходе которых лорды отказались от своего добавления. Они оставили только два терминологических изменения: слово «предлог», заменили на слово «средства» и прилагательное «незаконный» заменили фразой «не утвержденное в законах и статутах королевства».¹¹⁰

28 мая 1628 г. обе палаты были собраны в Уайтхолле, где они торжественно передали Петицию королю.¹¹¹ Несколько дней судьи и юристы короны искали приемлемую форму ответа на Петицию, которая не накладывала бы на короля никаких обязательств. 2 июня король прислал свой ответ в палату. Его текст гласил: «Король желает... чтобы право... осуществлялось в соответствии с законами и обычаями королевства. Чтобы статуты исполнялись должным образом, чтобы подданные не могли иметь повода жаловаться на несправедливость и притеснение, которые ущемляют их права и вольности».¹¹² Данный ответ фактически не накладывал на королевскую власть никаких обязательств, ибо был дан с формулой «король

¹⁰⁵ Ibid. P. 532–534, 538, 543–544, 546, 547, 548–549, 552.

¹⁰⁶ Ibid. P. 535, 538–539, 544, 546, 547, 549, 552.

¹⁰⁷ Ibid. P. 535, 544, 547. 552.

¹⁰⁸ Ibid. P. 544, 547.

¹⁰⁹ Ibid. P. 560–571.

¹¹⁰ Ibid. P. 612, 614.

¹¹¹ Ibid. Vol. IV. P. 11–12.

¹¹² Ibid. P. 52–53, 55.

желает». Эта формула в парламентской практике означала согласие короля на то, чтобы один из публичных биллей был рассмотрен в парламенте. Петиции о праве, чтобы обрести силу закона, по традиции требовали другой формулы: «Пусть право будет таким, каким его желают».¹¹³

Ответ короля привел палату общин в возбуждение, в связи с чем она опять начала обсуждать бедственное положение королевства и его причины. Многие коммонеры прямо называли ее: это — фаворит короля герцог Бекингэм. Особенно красноречив был Эд. Кок, призвавший возобновить процесс импичмента. «Герцог Бекингэм — есть причина всех наших несчастий. И пока король не узнает об этом, мы не вернем себе честь и не будем здесь заседать с почетом. Этот человек — несчастье всех несчастий», — воскликнул он. Затем, как гласит источник, «они (коммонеры. — С. К.) стали кричать: “Это он! Это он!”»¹¹⁴ Палата, видимо, была готова не только возобновить процедуру импичмента против фаворита, но и отложить предоставление субсидий. Поэтому король лично выступил перед обеими палатами и подтвердил Петицию традиционной формулой: «Пусть право будет таким, каким его желают видеть в Петиции».¹¹⁵

В этом важном документе были перечислены «обиды» общин и все нарушения законодательства, о которых парламентарии и юристы говорили в ходе обсуждения. В частности, упоминались нарушения Великой хартии вольностей, Статута 1295 г., принятого при Эдуарде I, статута Эдуарда III 1352 и 1355 гг. Далее высказывалась просьба не принуждать никого впредь «давать или уплачивать какие-либо дары, займы, беневоленсы, налоги и подобные сборы без общего согласия, выраженного актом парламента... не подвергать аресту и другим преследованиям и притеснениям в связи с этими сборами или отказом платить их... удалить названных солдат и матросов и... в будущем не обременять народ их постоями», аннулировать предоставленные должностным лицам и не предоставлять впредь полномочия использовать законы военного времени, дабы не доводить тем самым подданных «до гибели и смерти вопреки законам и вольностям страны».¹¹⁶

В конце мая — первой половине июня 1628 г. парламентарии несколько раз обсуждали проповеди Р. Мэнверинга и их публикацию. Общины провели решение об импичменте королевского капеллана и обратились к лордам с декларацией о поддержке. Любопытно, что в этой декларации общины использовали термин «суверенитет» без каких-либо колебаний. Они подчеркивали, что их требование исходит «из почтения к нашему суверенному господину королю» и сделано ради «обеспечения безопасности его короны и звания».¹¹⁷ Это, на наш взгляд, говорит о том, что термин «суверенитет» широко использовался в повседневной политической и идеологической практике, но лидеры нижней палаты и юристы общего права стремились не допустить его «вшивания» в правовую ткань.

¹¹³ См. об этом: *Foster E. R. Petitions and the Petition of Right. P. 21–45; Locker R. The Early Stuarts. A Political History of England, 1603–1642. London, 1989. P. 343–344.*

¹¹⁴ *Commons Debates 1628. Vol. IV. P. 115, 115, n. 13, 119, 124, 129, 132.*

¹¹⁵ *Ibid. P. 182.*

¹¹⁶ *The Constitutional Documents of the Puritan Revolution, 1625–1660 / Ed. by S. R. Gardiner. Oxford, 1951. P. 69.*

¹¹⁷ *Commons Debates 1628. Vol. IV. P. 102.*

Р. Мэнверинга вызывали в парламент, где ему пришлось отвечать за «преступление» со «слезами и раскаянием». Но несмотря на раскаяние священника, лорды приговорили его к тюремному заключению, к штрафу в 1000 фунтов в пользу короля, ему запретили исполнять обязанности священника и проповедовать в течение трех лет, книгу с текстом его проповедей признали достойной сожжения. Они призвали короля издать специальную прокламацию о сожжении книги в Лондоне и в «обоих университетах», а также о наложении штрафа на опубликовавшего ее книгоиздателя.¹¹⁸

Отметим, что уже в июле 1628 г. король официально простил своего капеллана и компенсировал ему потерю прихода в Лондоне приходом в Эссексе.¹¹⁹ Получив субсидию и распустив примерно через год парламент, король и правительство приняли решение наказать тюремным заключением девяти наиболее строптивых критиков короны. Среди них оказались Дж. Элиот и Дж. Селден.¹²⁰

Итак, в предреволюционной Англии существовали вполне определенные представления о содержании и объемах прав подданных. Материалы судебного разбирательства и парламентские прения подводят именно к такому заключению. Юристы и члены нижней палаты полагали, что общее право Англии призвано охранять вольности и права жителей острова от любых посягательств, в том числе и со стороны короля. В данном судебном деле и последующей за тем парламентской дискуссии было неоднократно заявлено, что королевская власть выходит за рамки очерченных правом прерогатив. Они готовы были противодействовать таким устремлениям правовыми средствами. Кроме того, они использовали подчеркнуто традиционную правовую лексику, пресекая любые попытки модернизировать привычный им политический и правовой дискурс. Заметим, что в позднеелизаветинскую и раннестюартовскую эпоху дело пяти рыцарей отнюдь не было единственным в своем роде. Отчеты судей полны не менее показательных описаний, хотя и, быть может, менее шумных казусов.¹²¹ Сами споры и поведение королевской власти показывают, что ее теоретические и доктринальные притязания на абсолютную власть были далеки от реализации. Ей по-прежнему приходилось согласовывать свои замыслы с элитными группировками страны и, видимо, корректировать их.

¹¹⁸ Ibid. P. 309–310.

¹¹⁹ Ibidem. 23 n.

¹²⁰ Reeve J. The Arguments in King's Bench in 1629 concerning the Imprisonment of John Selden and other Members of the House of Commons // *Journal of British Studies*, 1986. Vol. 25. N 3. P. 264–287.

¹²¹ *Parliament and Liberty from the Reign of Elizabeth to the English Civil War* / Ed. by J. H.exter. Stanford, 1992. — См. также: Кондратьев С. В. Свобода подданных и королевская прерогатива в судебной практике и доктрине предреволюционной Англии // *Правоведение*. 1996. № 4.